

Октября 21 (3 ноября)

Священномученики
Иоанн и Василий Козыревы

Священномученик Иоанн родился 16 января 1885 года в селе Пожарье Весьегонского уезда Тверской губернии, где его отец, Алексей Матфиевич Козырев, служил священником. В 1898 году он завершил обучение в Бежецком Духовном училище, а в 1904 году окончил Тверскую Духовную семинарию и поступил преподавателем пения в Краснохолмское Духовное училище, где прослужил до 1910 года, затем уехал в село Пожарье и устроился учителем в земской школе. 25 августа 1911 году умер его отец, и Иван Алексеевич 9 октября того же года был рукоположен во священника ко храму в родном селе, а 28 мая 1916 года перемещен к Воздвиженской церкви Бежецка.

Его брат, священномученик Василий, родился в 1889 году. В 1902 году он первым по успехам завершил обучение в Бежецком Духовном училище, затем в 1907 году окончил пять классов Тверской Духовной семинарии и поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, но окончить его не смог, так как у семьи не было средств для продолжения его образования. В 1914 году Василий поступил учителем в сельскую школу в село Смердынь Весьегонского уезда и проработал в ней до 1919 года. Но когда пришла новая власть, он вынужден был из школы уйти; он устроился счетоводом, затем инструктором в Рыбинский губернский потребительский союз, где проработал до 1921 года, когда принял решение стать священником.

30 ноября 1921 года Василий был рукоположен во священника к Никольской церкви, в городе Бежецке. Гонения конца двадцатых – начала тридцатых годов не обошли и его – в 1930 году он был арестован, приговорен к трем годам заключения и отправлен сначала на Соловки, а потом в Свирский концлагерь. После двух лет заключения, в 1932 году, он вернулся в Бежецк и стал служить в храме.

В 1929 году брат священников Иоанна и Василия, преосвященный Григорий, был назначен епископом Бежецким. Владыка отличался высоким молитвенным настроением и сумел своим примером поднять дух клира и мирян, многие из которых начали унывать от безжалостности и, казалось, безвременности наступивших гонений.

Шли гонения на Православную Церковь; те, кто не были арестованы в начале двадцатых годов, были арестованы в конце их. В 1929 году власти приступили к описи имущества в храмах, так как собирались в очередной раз изымать церковное достояние, арестовывать духовенство, закрывать храмы. Узнав об этом, о. Иоанн скрыл от описи чашу, дискос, лжицу, две тарелочки и на престольное Евангелие в серебряном окладе. Впрочем, все это не удалось сохранить, власти нашли и отобрали. В том же году о. Иоанна арестовали, обвинили в сборе пожертвований для храма и приговорили к штрафу в размере трехсот рублей.

23 января 1934 года сотрудники ГПУ арестовали священника Введенской церкви в городе Бежецке о. Сергия Кордюкова. В качестве доказательств вины ему были представлены доносы осведомителей на него и на других священников. Трудно теперь установить, чем угрожали пастырю, что обещали ему следователи в случае подтверждения этих оговоров, но о. Сергей поверил и подтвердил представленные ему сведения.

16 февраля 1934 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. И им следователь, по-видимому, что-то обещал, только бы они признали себя виновными. Отец Иоанн согласился со следователем. 22 февраля следователь составил протокол допроса, о. Иоанн его подписал. В нем, в частности, было написано: «Я, Козырев Иван Алексеевич, полностью признаю себя виновным в том, что состоял одним из активных членов контрреволюционной группировки церковников города Бежецка, которая на протяжении ряда лет проводила антисоветскую контрреволюционную деятельность против существующего строя.

Характерным примером нелегального сближения было 24 сентября 1933 года, когда духовенство собралось в Никольскую сторожку после торжественного служения по случаю десятилетнего юбилея епископа Григория...

На этом сближении Сретенский завел разговор о том, что в стране плохо дело со снабжением, что колхозы не оправдывают... надежд на обеспечение страны хлебом и вообще продуктами. Присутствующий здесь Кладовский Алексей (село Алабузино) говорил, что он живет в деревне и знает жизнь колхозников и видит, что им живется очень трудно, так что лучше бы им бежать из колхозов без оглядки.

В ответ на это я, Козырев Иван, говорил, что знаю жизнь колхозников в деревне Кучели и знаю, что многие из колхозников в настоящее время сидят без хлеба и в нем нуждаются. В этом же духе слышались разговоры и от других сидящих за столом, но кто и что говорил, в настоящее время не помню.

Епископ Григорий Козырев по этому вопросу говорил, что если жизнь трудная, то и надо на это смотреть как на Божие наказание, в проповедях надо призывать народ к терпению, к покорности Промыслу Божию.

Ко мне часто заходят из деревень духовенство и верующие, и все жалуются на трудную жизнь и на недостатки...»

Отец Василий виновным себя не признал. В тот же день, 22 февраля, он показал: «В первые годы существования соввласти до 1919 года я работал преподавателем сельской школы в селе Смердынях... После этого работал там же счетоводом потребкооперации до 1920 года и по 1921 год инструктором Рыбинского Губсоюза потребкооперации, но, будучи недоволен советской властью, и в особенности проводимыми ею в то время мероприятиями, как например, прекращением преподавания Закона Божьего в школах... решил стать священником Никольской церкви в городе Бежецке в целях укрепления православной веры. Хотя я и был недоволен существующим строем, но... беседы вел исключительно с лицами узкого круга близких мне людей... Больше показать ничего не могу...»

На следующий день врач освидетельствовал состояние здоровья подсудимых. Оказалось, что перед самым арестом о. Иоанн тяжело переболел воспалением легких. Плеврит так и остался, а также развилось малокровие и истощение организма вследствие того, что в тюрьме почти не кормили. Больным оказался и о. Василий. Но священников и отправляли на смерть, их арестовывали с тем, чтобы они никогда не вернулись, и поэтому приглашенный судебно-медицинский эксперт написал каждому в сопроводительной бумаге: «Годен для исполнения тяжелых физических работ». Через день Тройка ОГПУ вынесла постановление: священников Сергия Кордюкова, Василия Козырева и Ивана Козырева заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

*Епископ Бежецкий Григорий (Козырев),
священники Иоанн (слева от него), Василий (справа)
и Николай (крайний справа) Козыревы. Бежецк. 1930-е годы*

Их должны были отправить в Северо-восточные лагеря с первым этапом 13 марта, но тюремный вагон к назначенному этапному дню не пришел, и священников вернули в Бежецкую тюрьму дожидаться следующего этапа.

Из Владивостока они были отправлены на Колыму. Здесь работа и жизнь оказались настолько тяжелы, что священники Иоанн и Василий Козыревы едва выжили, а о. Сергей Кордюков умер в лагере.

В конце октября 1936 года по окончании срока заключения священники вернулись в Бежецк и поступили на службу в храм. Дома они встретились с братом, епископом Григорием. Он подробно расспрашивал их о том, как им жилось в лагере, как проходило следствие, о чем их спрашивали и что отвечали братья. Они рассказали, что следователь обвинял их в создании церковной контрреволюционной организации, причем роль главы организации отводил епископу Григорию.

Теперь, после лагеря, священническое служение было уже исповедничеством. Наступил 1937 год, повсюду шли аресты; им стало ясно, что не миновать заключения.

В июле 1937 года митрополит Сергей назначил преосвященного Григория епископом Барнаульским. 17 июля братья, почти все духовенство и многие из мирян проводили епископа к поезду. Епископ Григорий в последний раз благословил свою паству и духовенство и расстался с ними навсегда – сразу по приезде в Барнаул он был арестован.

В сентябре 1937 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. Опыт следствия 1934 года многому их научил – прежде всего тому, что оно держится на лжи, что следователи ради достижения своей цели не побрезгуют ничем, что ни одному их слову верить нельзя. И потому оставался единственный выход – быть в меру сил мужественным, не признавать и не подписывать лжи и молить Бога о том, чтобы Он даровал силы все претерпеть.

Первый раз о. Иоанн был допрошен сразу же после ареста, 21 сентября. Следователь спросил, почему в его доме не было обнаружено никакой переписки, ведь находясь на Колыме в лагере, он писал домой. Священник ответил, что переписку он сжег. На следующем допросе через несколько дней следователь спросил:

– В своих показаниях от 21 сентября сего года вы заявили, что, опасаясь ареста органами НКВД, вы заранее уничтожили всю переписку. Скажите, чем были вызваны ваши опасения и что за переписку вы уничтожили?

– Мои опасения быть арестованным строились на том, что когда в прошлом году арестовали Григория Козырева, то меня вызывали в НКВД на допрос... Я опасался, что вслед за Григорием Козыревым арестуют и меня. Переписка, которую я уничтожил, – это моя переписка с женой в бытность мою в концлагере.

– Скажите, возвратясь из ссылки, вы поддерживали связь с руководителем контрреволюционной группировки Григорием Козыревым?

– Да, я и мой брат Василий Козырев поддерживали с Григорием Козыревым самую близкую связь, были близки друг к другу и вхожи в дома.

– Скажите, о чем беседовали вы втроем – Козырев Василий, Козырев Григорий и вы – на квартире у Козырева Василия при закрытых дверях?

– Разговоры у нас были только семейного характера. О политике или мероприятиях советской власти мы никогда не беседовали.

– Следствию известно, что, возвратясь из концлагеря, вы как член контрреволюционной группировки продолжали свою контрреволюционную деятельность. Вы подтверждаете это?

– Нет. После возвращения из концлагеря я контрреволюционной агитацией не занимался.

Следователь не удовлетворился подобными ответами, у него уже был шаблонный набор обвинений.

– Следствию известно, что в июле 1937 года вы произносили в церкви проповеди, сопровождаемые контрреволюционными комментариями. Вы подтверждаете это?

– Нет, я отрицаю это. Мои проповеди, кои я читал в церкви, были исключительно религиозного содержания.

– Скажите, с какой целью вы распространяли среди верующих провокационные слухи о войне?

– Подобных слухов я никогда не распространял.

– Следствию известно, что среди верующих вы объясняли аресты священников... желанием советской власти перед выборами в Верховный совет изолировать арестами нежелательных ей людей от участия в выборах... Вы подтверждаете это?

– Да, я действительно в беседах объяснял аресты священников желанием советской власти устранить неугодных ей людей от участия в выборах... Мой арест я объясняю сейчас тем же.

– Но ведь это является не чем иным, как клеветой на сталинскую конституцию. Вы согласны с этим определением?

– Да, я согласен, что это является клеветой на сталинскую конституцию.

1 октября состоялся последний допрос.

– Следствием установлено, что, находясь на высылке и возвратясь с таковой, вы продолжали состоять членом контрреволюционной группировки и заниматься контрреволюционной агитацией среди населения. Вы все еще будете отрицать то, что уже бесспорно доказано?

– Я окончательно утверждаю, что членом контрреволюционной группировки... не состою и контрреволюционной агитацией не занимался... – ответил о. Иоанн.

Тогда же, в сентябре, тот же следователь, техник-интендант 2-го ранга Шолин допросил о. Василия.

– Скажите, как в 1936 году прошли именины Григория Козырева, кто на них присутствовал и каков характер выступлений участников контрреволюционной группировки?

– В связи с тем, что Григорий Козырев целый месяц находился в 1936 году под стражей в городе Калинин, его именины, совпавшие с арестом, не проводились.

Через несколько дней снова состоялся допрос.

– Следствию известно, что у вас на квартире часто при закрытых дверях происходили беседы между вами, Козыревым Григорием и Козыревым Иваном. Скажите, к чему была такая конспирация и характер ваших беседований?

– Мы беседовали исключительно о домашних делах и делах наших семей. Иногда заходил вопрос о политике, но о ней мы толковали в положительном смысле. Двери закрывались как обычно.

– Следствию известно, что вы и ваш брат, Козырев Иван, после возвращения из ссылки в 1936 году до момента ареста как участники контрреволюционной группировки духовенства проводили среди населения контрреволюционную агитацию. Вы подтверждаете это?

– Нет, я отрицаю то, что я якобы проводил после возвращения из ссылки контрреволюционную работу. Таковую я прекратил в 1934 году, когда был арестован, осужден и выслан.

Наконец, 1 октября состоялся последний допрос.

– Следствию известно, что в проповедях, кои вы произносили в церкви, вы допускали контрреволюционные выпады по адресу советской власти, изображая большевиков в виде сошедшего на землю антихриста. Вы подтверждаете это?

– Нет, я произносил проповеди исключительно религиозного содержания.

– Как установлено следствием, вы распространяли среди верующих клевету на сталинскую конституцию, заявляя, что советская власть арестами неугодных ей людей устраняет их от участия в выборах в Верховный Совет. Вы подтверждаете это?

– Нет, я отрицаю это. Я никогда такие объяснения верующим не давал.

1 ноября 1937 года Тройка НКВД по Калининской области приговорила священников Иоанна и Василия Козыревых к расстрелу. Они были расстреляны 3 ноября 1937 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 314-320

Игумен Дамаскин (Орловский). Новомученики и исповедники Бежецкой Епархии. Бежецк. 2014. С. 333-37